

Дмитрий Иванович Скворцов

Первый год русского старообрядческого раскола

Дмитрий Иванович Скворцов

Ровно 250 лет тому назад посеяно было первое зерно русского раскола, которое, нашедши для себя благоприятную почву в исторических обстоятельствах и условиях того времени, скоро прозябло и возросло потом в виде большого плевела, или, по выражению царя Алексея Михайловича, «куколя душевредного». В 1653 г., по поводу издания патриархом Никоном известной «памяти» (распоряжения о перстосложении для изображения на себе крестного знамения и о поклонах), со всей силой фанатизма проявилось противление патриарху, и фактически, обнаружился раскол. В виду этого, понятна важность обстоятельного разъяснения вопроса о времени издания «памяти», её содержании и основаниях, о лицах, ставших во главе противления патриарху Никону, на первых же порах его церковнопреобразовательной деятельности, и наконец, о крайне неприятных и печальных по своим последствиям столкновениях с ними патриарха.

Точное определение времени, когда выдана эта «память», в научном отношении, далеко не безразлично, (хотя бы, например, даже для определения годов существования раскола). Первоначальное, но довольно неопределённое известие для решения этого вопроса, мы находим в «житии» протопопа Аввакума, им самим составленном, где, между прочим, говорится: «а се и яд (Никон) отрыгнул: в пост великий (1653 г.) прислал память к Казанской к Неронову Иоанну».¹ Нужно думать, что Аввакум употребил это выражение в общем смысле и потому его можно понимать приблизительно таким образом: около великого поста, к посту, перед наступлением поста. К такому пониманию обозначенного выражения приводит известие самого же протопопа Аввакума о том, что Иван Неронов, после получения «памяти», целую первую седмицу поста молился в Чудове монастыре², затем, то соображение, что распоряжение относительно поклонов, именно в великий пост, должно быть издано заблаговременно – до наступления поста, иначе, оно было бы запоздалым и наконец, то, что в Псалтири, вышедшей из печати 11 февраля 1653 года,

т.е., до наступления великого поста, (как это увидим ниже), статьи о двуперстии и поклонах были опущены, а вслед за выходом Псалтири, была издана и «память». Поэтому, большинство исследователей по истории раскола, справедливо признают, что «память» издана в феврале месяце, перед великим постом 1653 года³; впрочем, находятся и такие исследователи, которые придерживаются в этом отношении буквы выражения протопopa Аввакума, признавая, что «память» издана именно великим постом⁴. Принимая во внимание вышесказанное – особенно то, что протопop Иван Неронов после издания «памяти», целую первую седмицу поста молился в Чудове, мы со своей стороны, признаём, почти за несомненное, что «память» издана до великого поста. Определяя ближе время издания «памяти», мы можем сказать, что она появилась между 11 и 20 числами февраля, потому что пост в 1653 году начинался с 21 февраля, – вероятнее всего, на сырной неделе, – потому к этим именно числам нужно приурочить и 250-летие существования раскола.

Что касается, далее, содержания «памяти», то опять-таки первоначальным и почти единственным источником для ознакомления с ним является то же «житие» протопopa Аввакума. В данном случае, источник этот является далеко нечистым: он передаёт содержание памяти кратко, но не точно. Здесь читаем: «в памяти Никон пишет»: «год и число (жаль, что Аввакум не указал самого числа): по преданию святых Апостолов и святых отец, не подобает в церкви метания творити на колену, но в пояс бы вам творити поклоны, еще же и тремя персты бы есте крестились».⁵ Другой протопop, Иван Неронов, соединяет с изданием этого распоряжения, «падение на Руси всякого благочестия»: «всяко благочестие преста, – говорит он, – и чадам церковным везде плач: коленное поклонение отметаемо и крестного знамения сложение перстов пререкуемо»⁶. Из этих свидетельств двух первых виднейших расколуучителей выходит, что патриарх Никон, будто совсем отменил «коленное поклонение», и потому впал в так называемую непоклоннеческую ересь. Но, конечно, первые расколуучители, намеренно выставили распоряжение Никона о поклонах в ложном свете: Никон, как известно, сделал распоряжение о поклонах, только полагаемых в святую Четырдесятницу, во время молитвы Ефрема Сирина, предписав класть в это время четыре больших поклона, а остальные – малые; а непоклоннеческая ересь заключается в том, чтобы никогда не класть земных поклонов⁷.

Поэтому-то, впоследствии, и сами расколуучители весьма редко обвиняли патриарха Никона в этой ереси. Другое же распоряжение,

относительно троеперстия, всегда вызывало, с самых первых времён, бурю негодования и озлобления раскольников против Никона. Для этого последнего распоряжения патриарх Никон имел так много оснований (устных и письменных свидетельств востока и русской древности) и об этом так много писано и с такой тщательностью, всё касающееся этого вопроса переисследовано, что мы со своей стороны, вовсе не считаем нужным ещё раз касаться этого вопроса. По-видимому, меньше было оснований и надобности сокращать число земных поклонов во время молитвы Ефрема Сирина; но оказывается, что и для этого патриарх Никон имел достаточные основания и побуждения. Так, в Уставе, изданном только за несколько лет до патриарха Никона (в 1640 году), на л. 942 находим тот же распорядок великопостных поклонов, какой введён Никоном и существует доселе: «первые три поклона великие, при каждом вси воедино преклоняем колена однажды, и паки вставше глаголем молитву преп. о. н. Ефрема Сирина, разделяюще на три статьи, а по сих творим прочих поклонов 12, излегка, утомления ради. На последнем поклоне глаголем паки ту же прежде писанную молитву воедино вси и поклон и встанем». Это – более близкое по времени к патриарху Никону указание о поклонах, которое он мог иметь в виду, делая распоряжение о них. А вот более древнее, из устава церковного 15 века (Библия Хлудова, № 122, л. 5 об.): «творим три велика метания, глаголюще на всяком метании молитву сию к себе: Господи владыко живота моего, также и малии 12 метаний, глаголющи и на сих: Боже очисти мя грешнаго и помилуй». Итак, несомненно, что патриарх Никон, издавая распоряжение о поклонах, имел за себя и древность; ближайшим же поводом к изданию этого распоряжения, нам кажется, было то обстоятельство, что положение 17 земных поклонов кряду производило в церкви на довольно продолжительное время некоторое неблагочине (шум, давка и т. п.); наблюдая его и зная в то же время, что это – не исконный, древний порядок и устав, патриарх Никон и решился положить конец сему неблагочию.

«Память» была разслана по всем церквям московского патриаршества, но конечно, далеко не везде получена была своевременно; поэтому совершенно справедливо будет думать, что во многих, более или менее отдалённых городах и селениях Руси, в первый великий пост Никонова патриаршества, «коленное поклонение» совершалось по-прежнему. Но собственно, в московских церквях она была получена скоро и своевременно, и «прежде всего, как делает догадку профессор Н. Ф. Каптерев, Никон не без цели послал своё распоряжение о поклонах и

перстосложении в Казанский собор к Неронову»⁸. Действительно ли патриарх Никон прежде всего послал «память» в Казанский собор, – на это исторических указаний не имеем, но во всяком случае, в Казанский собор, находящийся в центре Москвы, «память» должна быть доставлена весьма скоро.

По-видимому, если где, то именно в Москве, среди передового московского духовенства, «память» патриарха Никона не должна бы была встретить какого-либо противодействия: московское духовенство, как более книжное и образованное, могло бы, по-видимому, понять законность и основательность такого распоряжения своего патриарха.

Но на деле вышло иначе: именно в Москве – то оно и встретило самое сильное, упорное и фанатичное противодействие со стороны самых видных, влиятельных и передовых лиц из духовенства, что и положило начало расколу. Несомненно, конечно, что для этого были свои причины, очень разнообразные, заключающиеся, скажем здесь обще, в религиозном, образовательном и национальном направлении и настроении нашего общества, руководимого русскими книжниками.

В то время, когда издана была «память», в Москве существовал особый кружок духовных лиц, (преимущественно протопопов), объединённых и тесно между собой, связанных одними интересами и стремлениями, как будто намеренно собранных в Москву для того, чтобы здесь выступить с сильным протестом против патриарха Никона и его дела, и произвести смуту. Кто же эти лица, какие стремления, симпатии, и, наконец, убеждения их объединили, во имя которых они вступили в опасную и неравную борьбу с патриархом, как велась эта борьба и чем кончилась, в первый год фактического существования раскола.

Первыми противниками распоряжению патриарха Никона были: протопоп Казанского собора Иван Неронов, юрьевский протопоп Аввакум Петров, муромский протопоп Логин, костромской протопоп Даниил и другие.⁹ К этому же кружку примыкали, и ему покровительствовали и ещё более видные и сановитые по положению лица – епископ коломенский Павел и царский духовник Стефан Вонифатьев.

Отметим кстати, что некоторые видные члены этого кружка, как то: Неронов, Аввакум и Павел Коломенский были по происхождению нижегородцы, т.е. земляки патриарха Никона. Профессор Каптерев по этому поводу замечает: «вероятно, неслучайно было, что ревнители (т.е. вышеназванные нами лица), или по рождению, или по месту деятельности происходили из нижегородской области, и были люди, уже ранее своей встречи в Москве, так или иначе знакомые друг с другом; к сожалению,

мы решительно не знаем, откуда был родом глава кружка – Стефан Вонифатьев, и почему он приблизил к себе ревнителей, по преимуществу, из нижегородцев». ¹⁰ В приведённых словах проф. Каптерева, Стефан Вонифатьев называется главой кружка, и не без основания, хотя в то же время, такое название нужно прилагать к Стефану, с большим ограничением.

Вероятно, туляк по происхождению, Стефан Вонифатьев по своему характеру значительно отличался от других лиц кружка – нижегородцев по происхождению. Первенствующее значение в кружке ему придавало, конечно, положение царского духовника, притом такого, которого царь любил, уважал и под влиянием которого отчасти находился. Но и личные качества Стефана Вонифатьева были таковы, что все, с кем приходилось ему иметь более или менее близкие отношения, душевно располагались к нему. Он был весьма благочестив, начитан, стремился к искоренению тех непорядков и пороков, которые были замечаемы тогда не только в церкви, но и в государственных делах, был заступником перед царём слабых и бедных. ¹¹ При всём том, как надо полагать, Стефан отличался довольно мягким и уступчивым характером, что отчасти ослабляло значение его в кружке и выдвигало на более видное место других; отличался Стефан от своих провинциальных сотоварищей и тем, что он, при всей своей преданности русской старине, способен был к более широкому и правильному взгляду на церковные преобразования, а потому, впоследствии отстал от кружка, когда увидел непомерную и безрассудную, доходившую до фанатизма, ревность лиц этого кружка. Поэтому г. Бороздин совершенно справедливо замечает, что Стефан далеко не отличался такой огнепальной (мы бы сказали фанатичной) ревностью и упорством, как ближайшие его сотрудники – Неронов и Аввакум; и сохраняя к ним, впоследствии, хорошее личное отношение, в то же время сумел принципиально примириться с Никоновской реформой и отрешиться от старинного московского предубеждения против малороссов и греков». ¹² Это последнее обстоятельство подавало расколуучителям повод упрекать Стефана в слабости: «всяко ослабел», говорит о нём протопоп Аввакум. Мы не думаем, что Стефан пошёл на уступки в деле Никона от страха потерпеть нечто подобное тому, что потерпели Неронов и Аввакум, или из опасения потерять своё видное положение. Нет, он просто стоял выше своих провинциальных друзей по своему развитию и по своим взглядам. Поэтому он потом многократно убеждал Неронова и других, покориться патриарху; но по своему человеколюбию и сердечной мягкости, продолжал сноситься с

расколоучителями и даже ходатайствовать за них перед царём, – что нередко облегчало участь непокорников. О дальнейшей судьбе и кончине Стефана мы знаем мало; а об отношении к печатанию и исправлению книг, скажем ниже.

Другим влиятельным и видным по положению лицом, стоявшим на стороне кружка, был епископ коломенский Павел, который, скажем кстати, был единственным епископом, определённо склонившимся на сторону раскола, а поэтому, раскольниковские писатели называют его начальником своего доброго воинства» (Сем. Денисов в «Винограде российском»). О характере Павла Коломенского, на основании отзывов со стороны противоположных лагерей, можно сказать, что отличительной чертой его было упрямство, как это отмечает с одной стороны Павел Алепский, а с другой – расколоучитель Феокист, который со своей точки зрения, называет эту черту характера «мужеством».¹³ Свою приверженность к русской старине Павел Коломенский особенно обнаружил только на соборе 1654 г., т.е. по истечении целого года после издания «памяти», вызвавшей первое открытое противление расколоучителей. Хотя Павел Коломенский подписался под Деяниями этого собора, с оговоркой только относительно поклонов, однако, он был принципиальным противником дела Никона. Гр. Гейден, на основании документальных данных и разных соображений, приходит именно к такому выводу, говоря: «он высказал на соборе 1654 г. противодействие самому делу церковных преобразований, по всей его широте, на том основании, что новые исправления, делаемые по совету греков, еретичны, так как сами греки – еретики, русские же обряды и книги правильны».¹⁴ К такому же, приблизительно, решению вопроса о Павле Коломенском, приходит и Преосвященный Макарий, говоря, что он был в числе первых противников патриарха Никона, после издания последним «памяти», и что «может быть, позволил еще себе в споре с патриархом какие-либо резкие выходки против него, или, может быть, осмелился вообще отвергнуть нужду в исправлении церковных книг».¹⁵ Отсюда понятным становится строгое отношение патриарха Никона к еп. Павлу: он был лишен кафедры и сослан в ссылку в Хутынский монастырь. В заключении Павел сошёл с ума и никто не видел, как погиб бедный, – зверями ли похищен, или в реку упал и утонул).¹⁶

Менее видными по внешнему положению, (хотя и весьма влиятельными), но гораздо более деятельными лицами в кружке противников Никона были протопоп Казанского собора Иван Неронов и юрьевский протопоп Аввакум Петров, которых ко времени патриаршества

Никона, судьба свела в Москве. Эта «двоица» протопопов, можно сказать, была центром, около которого вращались события первоначального раскола. Много было общего в характере, направлении, убеждениях и взглядах, и, наконец, в судьбе этих двух протопопов, но немало было и различного. Весьма рано и в сильной степени обнаружилось в Иване Неронове одна черта его характера, которой он отличался и во всё время борьбы с патриархом Никоном, – это смело и открыто обличать пороки и недостатки отдельных людей и всего современного общества.

Так, когда он был еще юношей, ему пришлось в Вологде¹⁷ встретиться во время святок с ряжеными и скоморохами. Не имея на то ни права, ни авторитета, он, однако, «разжегся духом, нача обличати их с дерзновением»; но такое обличение обошлось ему дорого: его жестоко избили, так что он остался еле жив. Впоследствии, когда он уже женился на дочери священника с. Никольского, эта черта обнаружилась ещё с большей силой: он непрестанно обличал не только мирян, но и священников за их пьянство и развращённое житие. За это священники написали на него какой-то донос патриарху Филарету. Но особенно популярным и известным становится Иван Неронов с тех пор, как сделался священником одной нижегородской церкви. Он стяжал себе здесь славу проповедника и смелого обличителя. Он учил и обличал не только в церкви, или в домах, но и на улицах и площадях, для чего постоянно носил с собой «книгу великого светильника, Иоанна Златоуста, именуемую Маргарит, возвещая всем путь спасения». Подобно тому, как и в дни юности, обличения его направлялись особенно против скоморохов «иже хождаху по сторонам града с бубны и с домрами и с медведьми». Не стеснялся Неронов обличать и лиц власть имущих: так например, он публично обличал нижегородского воеводу Фёдора Шереметьева за творимые им неправды, за что воевода велел бить обличителя по пяткам палкой и потом посадил его в тюрьму, а на шею и на ноги велел надеть железную цепь. Слух о Неронове дошёл и до Москвы, которую, впрочем, он, служа ещё в Нижнем, посещал не раз¹⁸ и познакомился здесь со Стефаном Вонифатьевым. Последний усмотрел в Неронове весьма полезного для Москвы человека и потому выхлопотал ему место протопопа в Казанском соборе. Перемещение Ивана Неронова в Москву состоялось около 1646–1647 года, когда, значит, ему было уже 55–56 лет.¹⁹

Одним из главных побуждений, почему Стефан вместе с боярином Фёдором Ртищевым постарались перевести Неронова в Казанский собор, было то обстоятельство, что он был «в словесех речист и в святых книгах

искуснейший»,²⁰ в каких людях особенно тогда нуждался Стефан, потому что сам он «не до конца худо бьяше в священном писании». И вот началась в Москве ревностная пастырская и особенно проповедническая деятельность протопопа Ивана Неронова, которая и продолжалась беспрерывно до лет патриаршества Никона, когда начались у него пренеприятные столкновения с патриархом. Большинство писателей наших, в характеристике Неронова не расходятся между собой, признавая его «энергичным, смелым и деятельным и в то же время книжным и учительным человеком»²¹, «личностью цельной, смелой, умевшей говорить правду в глаза царю» (Нильский); а по выражению одного исследователя, Неронов был уважаем всеми людьми того времени, имел неограниченный вес у патриарха и оказывал влияние при дворе.²² Но делая такой лестный отзыв о Нерове и расточая ему похвалы, многие исследователи, по нашему мнению, впадают в односторонность, забывая упомянуть об отрицательных и не симпатичных сторонах и чертах характера Казанского протопопа. Эти несимпатичные отрицательные черты его характера особенно обнаружились в столкновениях с патриархом Никоном, – именно: грубость, доходящая до дерзости и соединённая в то же время с некоторой хитростью и уклончивостью, способность его, в целях эгоистических, к клевете и, наконец, даже непоследовательность и нестойкость в своих убеждениях. За последнее делает упрек Неронову даже друг его протопоп Аввакум, говоря: «а напоследок, по многом страдании изнемог бедной, – принял три перста, – да так и умер. Ох, горе».²³ Конечно, если бы Неронов «принял три перста» по убеждению, то мы не усматривали бы в этом непоследовательности со стороны Неронова; но данный отзыв Аввакума и некоторые другие соображения заставляют думать, что он сделал это по слабости, из-за страха, не желая больше переносить изгнания, что и отметил профессор Знаменский в своей статье «Иоанн Неронов» (Прав. Соб. 1869, ч. 1, стр. 236), сказав: вскоре, по слабости своей натуры, Неронов не выдержал такого напряжения, какое требовалось в борьбе с церковной и гражданской властью. Поэтому-то впоследствии Неронов, втихомолку придерживаясь старообрядчества и служа ему, добился довольно видного официального положения, именно он произведён был в архимандрита Переяславского, Данилова монастыря, в каком звании и умер в 1570 году, имея отроду 79 лет».

Но самым заметным и самым крупным лицом в кружке Стефана Вонифатьева был протопоп Аввакум Петров. На первых порах деятельности кружка, этот член его не особенно выделялся чем-либо от

других; но зато когда обнаружилась явное противление преобразовательной деятельности патриарха Никона, он стал во главе этого раздорнического движения. Хотя в некоторых событиях первоначального раскола, Аввакум и не принимал личного деятельного участия, но зато нельзя указать, кажется ни одного более или менее заметного момента в развитии и росте раскола, о котором бы мы не находили в многочисленных произведениях протопопа того или иного отзыва или освещения его, с точки зрения раскола. Аввакум как бы воплотил в себе дух раскола: по Аввакуму можно почти безошибочно судить о сути раскола в его последних выводах и стремлениях. То, что в других умерялось разными практическими соображениями и не выступало наружу, в Аввакуме являлось во всей наготе и развивалось до последней крайности, выразилось в самых выпуклых чертах (Ивановский).

От природы протопоп Аввакум был богато одарён не только душевными силами и способностями, но и телесными: он, по выражению одного исследователя, был человек несокрушимого здоровья.²⁴ Непреклонный характер, железная воля, выразившаяся, впрочем, иногда в упрямстве, недюжинные умственные дарования, соединённые с несомненным оригинальным литературным талантом, неразумная фанатичная преданность вере отцов, как он её понимал, смелость и дерзость в борьбе с сильными мира сего, самообольщение, доходившее до сумасшествия, присвоение себе апостольского авторитета и дара необыкновенных чудотворений и многое тому подобное – вот что поставило протопопа Аввакума во главе раскольнического движения. Направленные по верному и правому пути природные силы и дарования Аввакума много могли бы принести пользы церкви и даже государству, но устремлённые на путь ложный, они принесли неисчислимое зло нашей церкви, а самому протопопу – многочисленные, бесцельные страдания. Натура Аввакума во многом напоминает собой натуру знаменитого его земляка патриарха Никона; поэтому С. М. Соловьёв, сопоставляя этих двух главных участников церковно-религиозного движения того времени, называет первого «богатырь-протопоп», а второго – «богатырь в митре и саккосе», или «богатырь-патриарх».²⁵ А некоторые исследователи (например, Тихонравов) сравнивают Аввакума с Петром Великим, усматривая в нём обратную сторону великого преобразователя: насколько Пётр I был прогрессист, настолько Аввакум – консерватор; тот и другой доходили до крайностей и не уступали перед окружавшими их препятствиями.²⁶

Происходя из села Григорово (Нижегородской губернии), протопоп

Аввакум²⁷ с малых лет обнаружил в себе крайне сильную религиозную настроенность, которая развилась особенно под влиянием его матери. Вопреки действовавшим тогда узаконениям (Стоглавого собора), Аввакум 21 года произведён был в дьякона в селе Лопатицы, а через два года – и в священники (около 1642–1643 г.). Заняв такое общественное положение, Аввакум начал ревностно проводить в жизнь все строгие требования религиозно-церковных узаконений, понимая их совершенно внешним образом и полагая всё значение их в мелочном соблюдении церковных правил и обрядов. Поэтому весьма скоро у него начались крайне неприятные столкновения со своими прихожанами, в том числе и с лицами властными. Подобно Ивану Неронову, и Аввакум вёл энергичную борьбу со «скоморохами», которых изгонял из своего села, отнимал у них и ломал их «хари и бубны», отнимал медведей и так далее. За разные, иногда совершенно справедливые, а иногда излишне мелочные требования, прихожане невзлюбили Аввакума и два раза изгоняли из села: первый раз после 1646 года, а второй – около 1650 г. Были у него крупные столкновения и с некоторыми «начальниками», которые били и побивали его неоднократно, а один из них дважды даже стрелял в Аввакума, в конце же концов, отнял у него двор, самого его «выбил всего, ограбя».²⁸ Оба раза после изгнания он ходил в Москву, но в первый раз лучшего места не добился, а во второй – был назначен протопопом в Юрьевец Повольский. Но неуживчивый протопоп прослужил в Юрьевце только 8 недель. Между прочим, его невзлюбили и за то, что он подолгу служил «долго поешь единогогласно, нам дома недосуг», говорили ему. И тысячная толпа, вооружившись, кто чем попало, напала на Аввакума, вытащила его на улицу и избила до полусмерти. После этого он тайком опять убежал в Москву, и на этот раз уже совсем. Ввиду некоторых прикосновенных к этому обстоятельству вопросов, не безразлично более или менее точно определить время, когда Аввакум совсем поселился в Москве.

Доселе этот вопрос (стоящий в связи с вопросом, – мог ли Аввакум принимать какое-нибудь участие в исправлении книг при патриархе Иосифе), не решён с полной определенностью: все исследователи последнего времени (Каптерев, Гейден, Бороздин и другие) согласны только в том, что он явился в Москву в конце патриаршества Иосифа, но точно самого времени не устанавливают. Бороздин, например, этот специальный исследователь о протопопе Аввакуме, говорит только, что Аввакум поселился в Москве или в конце 1651 года или в начале 1652 г.,²⁹ а профессор Каптерев замечает, что это было в последние месяцы патриаршества Иосифа.³⁰ Но мы думаем, что поселение Юрьевского

протопопа в Москве случилось уже после смерти патриарха Иосифа. Для доказательства этого можно привести следующие данные из автобиографии протопопа Аввакума. В ней Аввакум, сказав о своём переселении из Юрьевца в Москву, решительно ничего не говорит о смерти и погребении патриарха Иосифа, а прямо повествует о заботах Стефана Вонифатьева с братией об избрании приемника патриарху Иосифу и затем продолжает: «посем Никон, друг наш, привез из Соловков Филиппа митрополита».³¹ Если бы протопоп Аввакум во время смерти и погребения Иосифа проживал в Москве, то трудно объяснить, почему он ничего не говорит о таких важных церковных событиях, свидетелем которых был сам. Патриарх Никон возвратился в Москву с мощами Филиппа 9 июля 1652 года, а Иосиф умер 15 апреля; следовательно, в этот период времени и прибыл в Москву Аввакум. Не мешает в подтверждение этого отметить и то, что Аввакум, избитый паствой, поехал из Юрьевца Волгой,³² – значит весной. Наконец, это вытекает из следующих хронологических дат, находящихся в житии Аввакума: «рукоположен в диаконы двадцати лет с годом (21 г.) и по дву летах попы поставлен (23 л.); живый в попех восемь лет, и потом совершен в протопопы православными епископы, – тому лет двадцать минуло, – и всего тридцать лет, как имею священство».³³ Признавая почти за доказанное, что протопоп Аввакум родился в 1620–1621 г. (Бороздин стр. 1), мы должны признать, что он поставлен в священники в 1643–1644 г., следовательно, в протопопы в Юрьевец произведён в 1651–1652 г., а после этого вскоре поселяется в Москве. Здесь-то он и сошёлся близко со Стефаном Вонифатьевым и Иваном Нероновым и благодаря, с одной стороны, связям с ними, а также знакомству с самим царём, а с другой – своим выдающимся дарованиям, становится очень важным и влиятельным лицом в среде московского духовенства. Не имея своего прихода, он служил временно в Казанской церкви вместе с протопопом Нероновым. В противоположность протопопу Неронову, сумевшему спокойно умереть в сане архимандрита, Аввакум до последней минуты своей жизни открыто и фанатично содержал раскол и умер на костре, проповедуя с костра всё тот же раскол, – умер с двумя поднятыми кверху перстами, на глазах многочисленной толпы в 1681 году в апреле месяце (по одним – 1 числа, по другим – 14).

Когда протопоп Аввакум бежал из Юрьевца, то заходил в Кострому и здесь узнал, что «тут протопопа же Даниила изгнали». Этот Даниил известен также как член кружка Стефана Вонифатьева. К сожалению, мы ничего не знаем о прошлом Даниила, но несомненно, что он был изгнан из

Костромы за то же, за что Аввакум из Юрьевца. Принимая во внимание, что никто другой, а именно Даниил, вместе с Аввакумом, составляли первую раскольническую челобитную царю (Ват. 5, 18), должно признать, что он в своём кружке пользовался репутацией человека книжного и знающего; да и то обстоятельство, что патриарх Никон весьма строго разделался потом с Даниилом (о чём ниже), показывает, что этот протопоп был одним из деятельных и опасных его противников. Аввакум в одном месте называет его «священномучеником».³⁴

Последним более или менее видным членом кружка Вонифатьева был протопоп Логин. Наши сведения застают этого протопоба только тогда, когда он был уже протопобом Муромского собора; о прежней его жизни и деятельности известий не сохранилось. В звании соборного протопоба города Мурома личность Логина обрисовывается довольно рельефно. Он выделялся из среды городского духовенства, как человек учительный, ревностный проповедник и обличитель современных пороков и недостатков; за свою особенную способность к учительству он и выдвинут был архиепископом рязанским Мисаилом на видное место соборного протопоба.³⁵ Одно обличение этого протопоба, направленное по адресу жены муромского воеводы, было для него, можно сказать, роковым: он обличал её за страсть к белилам и румянам. Из-за этого поднялось целое дело, кончившееся очень печально для Логина. Результатом такой деятельности протопоба было то, что в Муроме образовались две партии: приверженцев и противников его. Противники, среди которых упоминается соборный поп Иван Сергеев, добились того, что протопоп Логин был выслан из Мурома. Может быть, тогда-то, подобно Неронову и Аввакуму, он тайно прибрёл в Москву и как человек одного с ними духа и направления, сошёлся с ними и скоро, нашедший покровительство у Стефана Вонифатьева, примкнул к кружку его. Подобно как и о Данииле Костромском, о Логине можно сказать, что он был деятельным членом его: недаром, как увидим, Никон начал расчёт со своими противниками с него, воспользовавшись для этого первым благоприятным случаем. Характер Логина, как человека смелого и даже дерзкого до фанатизма, ярко обрисовался и при расстрижении его, когда он «через порог в алтарь в глаза Никону плевал», а потом, распоясавшись, снял с себя рубашку, «в алтарь в глаза Никону бросил».³⁶

Вот какова была та «четверица» протопобов, во главе которых стояли некоторое время, царский духовник Стефан Вонифатьев и епископ Павел Коломенский, которым суждено было дать первый сильный толчок движению, именуемому старообрядческим расколом. Из краткой

характеристики их видно, какую крепкую и опасную силу составляли все они в совокупности в борьбе с патриархом Никоном. В лице их соединились все нужные для такой борьбы силы и способности. Тут были и закалённая в железной борьбе сила воли, и неустранимость характера, и фанатичная ревность об «отеческих преданиях», подогреваемая и личной ненавистью к патриарху, недюжинные умственные дарования, соединённые с большой начитанностью и с талантом проповедничества и учительства, направленным к обличению недостатков и пороков тогдашнего общества, и, наконец, крайне выгодное внешнее положение, доставившее им непосредственный доступ к царю и большое влияние на народ и даже передовое московское общество, уважавшее их за учительность, книжность и ревность.

Можно ли после этого удивляться, что такие лица имели в борьбе с патриархом и новым направлением в церкви значительный успех и произвели в народе бурю волнений, окончившихся расколом, первыми и главными представителями которого они были сами. Но конечно, отдельные личности, хотя бы они и обладали необыкновенными силами и способностями, не могли бы произвести такого крупного исторического движения, каким является старообрядческий раскол, если бы они для своей деятельности не имели уже готовой почвы в прошлом русского народа; если бы явились, так сказать, непонятными проповедниками чего-то совсем чуждого народу, если бы, одним словом, не было исторических условий и причин, подготовивших для их деятельности благоприятную почву. Теперь и следует сказать, возможно кратко³⁷ о том, какие стремления, цели и задачи объединяли и крепко сплачивали лиц кружка Стефана Вонифатьева, какого они держались направления и каких были убеждений, чтобы видеть, почему с одной стороны некоторые время принадлежал к этому кружку из сам Никон до своего патриаршества, а с другой, потом, сделался непримиримым последователем лиц этого кружка, бывшего, повторим, первым зерном раскола.

«Деятельность кружка ревнителей (то есть кружка Стефана Вонифатьева), говорит профессор Каптерев, определилась наличностью тех пороков и недостатков, какие в то время существовали в жизни народа, самого духовенства, как белого, так и чёрного, наличностью тогдашних церковных беспорядков, отсутствием живой проповеди и вообще учительности в духовенстве, вследствие его крайнего невежества».³⁸ Борьба с этими тёмными сторонами народно-общественной и церковной жизни и была задачей деятельности названного кружка. Минуя речь о пороках и недостатках народа и духовенства, бывших следствием грубости

тогдашних нравов и невежества, а также свойственной людям греховной слабости, мы остановимся только на тех беспорядках церковной жизни, которые были, так сказать, обычны тогда и, если нельзя сказать, что были санкционированы властью, то, во всяком случае, замалчивались, и потому вошли в постоянную церковную практику. Ближайшим образом мы разумеем здесь так называемое «многогласие», странное, если не сказать безобразное, пение, полное отсутствие живой проповеди и неисправность церковно-богослужебных книг.

Как видно, многогласие в пении и чтении было давним недостатком нашей церковной жизни, потому что на него обращал внимание ещё Стоглавый собор, говоря, что «то в нашем православии великое безчиние и грех». Это явление было результатом стремления нашего малообразованного духовенства и устав при богослужении исполнить, и службу ускорить: по-видимому, это два исключаящие друг друга желания, но оба они достигались именно многогласием, которое состояло в том, что в одно и то же время пели и читали в несколько голосов, – иногда в шесть и более. Вследствие такого отправления богослужения, оно теряло не только религиозно-воспитательное значение, но и всякий смысл. Что касается пения, то прежнее величественное, демественное пение было совершенно забыто и вместо него явилось так называемое пение «хомовое», состоявшее в том, что для удобства растяжения голоса³⁹ вставлялись в слова лишние гласные буквы, например, вместо «Бог, Спас, Христос» – пели: «Бого, Сопасо, Христосо», или: «пожеру, вомоне, темено», и т.п. Понятно, при таком пении было невозможно разуместь смысл песнопения. Напевы были странны не только по мелодии, но даже и по названиям, например «аллилуйя» были: красные, антиохийские, скок, перескок, недоскок, аллилуйя–волынка и подобное. Не понимая религиозно-воспитательного значения богослужения, духовенство совершенно не поучало народ в церкви. Церковная проповедь рассматривалась не только как дело ненужное, но даже как нечто непозволительное и вредное, так что когда зашла речь о церковной проповеди, то один московский поп назвал её еретическим новшеством. Такое отправление церковного богослужения, однако, ничуть не смущало и не соблазняло народ: он совершенно привык, или точнее, приучен был таким порядкам, так что, например, попытка протопопа Аввакума служить единоголасно и более продолжительно была встречена в Юрьевце его прихожанами с большим неудовольствием: «долго поешь единоголасно, нам дома не досуг», говорили они ему.⁴⁰ Не принимая никакого сознательного участия душой и сердцем в общественном богослужении,

богомольцы нередко приносили в церковь свои иконы (так сказать, своих «пенатов») и перед ними молились своими молитвами, чем ещё более усиливали беспорядок церковного богослужения.

Наконец, и церковно-богослужебные книги, по которым так беспорядочно отправлялось богослужение, страдали крупными недостатками. Ко времени патриарха Иосифа почти сто лет исполнилось, как введено было у нас печатание богослужебных книг, и однако оно совсем мало принесло пользы в смысле более исправного издания книг. Каждое из пяти патриаршеств до Никона отмечено появлением каких-нибудь новых недостатков и погрешностей в книгах, так что к концу патриаршества Иосифа обнаружилось ясное сознание необходимости поставить это дело на более прочных основаниях. Издатели Кормчей книги, напечатанной в самом конце патриаршества Иосифа, с грустью выразили это сознание в предисловии. «Воззри убо, аще не леностен еси, обрящеши ли где праве списанную без всякого порока в церквах святых книгу; обрящеши ли чин и последование по указанному святых и богоносных отец в законению... Вес яко неудобь обрести возможеши, не точию в соборных градских церквах, но ниже в епископиях, паче же ни в монастырех».⁴¹

В патриаршестве Иосифа, особенно во второй половине его, много произошло таких обстоятельств, которые сильнейшим образом способствовали прояснению сознания необходимости заняться исправлением и возможным искоренением указанных, а также и некоторых других беспорядков церковной жизни: жалобы на них, «зазирания» и обличения их шли с самых разных сторон – и от передовых людей Москвы и московского государства, и с греческого востока, и с русского запада. Больно и тяжело было выслушивать эти, большей частью справедливые обличения, лицам, стоявшим во главе церковного управления, и прежде всего, конечно, патриарху. Патриарха Иосифа довело это, можно сказать, до удручённого состояния духа: он сознавал, что много нужно труда и энергии для упорядочения церковных дел, а между тем силы и здоровье изменяли ему, и он стал даже опасаться, как бы не предложили ему оставить патриаршую кафедру: «переменить меня, скинуть меня хотят, а будет-де и не оставят, и я де и сам за сором (из-за стыда) об отставке стану бить челом», – часто говаривал он в последние годы своего патриаршества. По-видимому, патриарх Иосиф в деле устранения церковных беспорядков располагал весьма энергичными и способными помощниками, каковы были новоспасский архимандрит Никон, царский духовник Стефан Вонифатьев, казанский протопоп Иван

Неронов и некоторые другие лица, которые стояли очень близко к церковным делам и обнаруживали охоту и желание послужить на пользу церкви. Да, действительно, так называемый «кружок» Вонифатьева ревностно заботился об устранении вышеописанных беспорядков церковной жизни и предпринимал для этого разные меры, но деятельность его стояла как-то в стороне от патриарха, с которым, можно сказать, кружок имел натянутые отношения. Кружок этот был слишком силен и влиятелен сам по себе, без поддержки патриарха, а потому и действовал самостоятельно, что в известной мере оскорбляло патриарха и побуждало его не только не содействовать благим заботам кружка, но даже иногда противодействовать. В чём же более ярко обнаруживалась деятельность кружка? Многогласие было одним из самых вопиющих беспорядков в церковном богослужении, и потому против него особенно сильно восстал кружок Вонифатьева и делом и словом. Первыми восстали против него Стефан Вонифатьев и его друг боярин Ф. М. Ртищев. Они прежде всего в своих домовых церквях «уставиша единогласие и согласное пение», а затем стали просить царя, чтобы утвердил «благочинное в церквях правило, еже бы в един глас, а не во многия пети»⁴². Потом присоединились к ним Новоспасский архимандрит Никон и протопоп Иван Неронов, из которых последний завёл это пение в Казанском соборе, а первый, сделавшись скоро митрополитом Новгородским, устроил прекрасный хор из киевских певчих. А когда прибыл в Москву Аввакум, то и он сделался ревностным сторонником единогласия: ведь его за то, между прочим, и не любили в Юрьевце, что «он долго поёт».

Второй заметной чертой деятельности членов кружка была их учительность: они, по словам профессора Каптерева, отличались «готовностью всегда и всюду читать народу отеческие учительные произведения и толковать их».⁴³ Этим известны и Неронов, и Аввакум, и Логин, и особенно первый, который привлекал своими поучениями толпы народа, не вмещавшиеся в Казанском соборе.

Наконец, нельзя отрицать и того что некоторые лица из кружка имели большое влияние на дела исправления церковно-богослужебных книг. Сохранилось известие, что в патриаршество Иосифа существовал особый совет протопопов и попов по делу исправления церковно-богослужебных книг, на который «все оно исправление книг возложи святейший патриарх московский, муж престарелый».⁴⁴

Принимая во внимание, что это дело было важнейшим делом патриаршества Иосифа, особенно второй его половины, а с другой стороны зная, что «руководство всей церковной жизнью перешло тогда в руки

кружка ревнителей благочестия (то есть Вонифатьева), которые практически делались управителями всей русской церкви»⁴⁵, нельзя не признать, что в числе членов упомянутого «совета» были и лица из кружка Вонифатьева. Прежде всего, сам Стефан Вонифатьев имел прямое и даже официальное отношение к делу исправления книг, потому что им, между прочим, издана была весьма важная по тому времени «Книга о вере»; но конечно, Стефан, уже по одному тому, что занимал такое видное положение, не был каким-нибудь обычным справщиком, а был одним из передовых руководителей этого дела⁴⁶. Не может быть, чтобы и друг Стефана, так сказать, правая рука его, Иван Неронов, не принимал никакого участия в деле исправления церковно-богослужебных книг; напротив, думается, Стефан в этом деле при всяком случае пользовался знанием и начитанностью своего талантливой друга, а потому выражение дьякона Фёдора, что Неронов или Павел Коломенский «у книжные sprawy на печатном дворе не сиживали никогда, и в наборщиках не бывали»⁴⁷, нужно понимать именно буквально, то есть – что Неронов, действительно, не был официальным справщиком и тем более наборщиком, что конечно, не исключало возможности влияния его на дело другим путём. Что касается протопопа Аввакума, поселившегося в Москве много позднее других членов кружка Вонифатьева, то все новейшие исследователи по этому вопросу решительно утверждают, что он не принимал, да и не мог принимать никакого участия в деле печатания книг, в подтверждение чего, между прочим, приводят и то соображение, что и сам протопоп, «вообще довольно подробно передающий об обстоятельствах своей жизни, ни слова не говорит о своём участии в печатании книг»⁴⁸. Соглашаясь с тем, что Аввакум не был справщиком книг, мы всё-таки склонны думать, что Аввакум, всегда интересуясь книжным исправлением, принимал в нём участие (в периоды своего пребывания в Москве), если не делом, то словом, и даже стремился встать к этому делу ближе. Это видно из того, что когда Аввакума вернули из первой ссылки (в 1658 г.), то, так сказать, в утешение ему предлагали разные довольно видные места, и между прочим, место «на печатном дворе книги править», и он, Аввакум, был рад этому предложению даже более, чем другому очень лестному предложению – быть царским духовником.⁴⁹

Итак, из сказанного видно, что задачи, цели и стремления кружка Вонифатьева были весьма симпатичны и соответствовали современным потребностям русской церкви. Представители этого кружка ревнителей благочестия настолько возвышались над общим уровнем религиозно-нравственного состояния тогдашнего духовенства, что казались

последнему «безпокойными и опасными новаторами» и даже чуть не еретиками, за что они подверглись разным порицаниям, например, их называли ханжами, бесноватыми. Охотно примкнул к этому кружку и талантливый новоспасский архимандрит Никон. Но были как внешние, так и внутренние условия, в силу которых добрые стремления кружка не только не достигали своей цели, но скоро направились по ложному пути. Из внешних условий отметим то, что патриарх Иосиф был весьма к нему не расположен и готов был даже противодействовать деятельности его, например, по вопросу о единогласии. Но самое главное, добрые стремления кружка опирались на ложных основах: он стремился к оздоровлению русской церкви только, так сказать, на национальной почве, то есть, если можно так выразиться, силы больного организма надеялись восстановить одной диетой, без всяких, тем более каких-нибудь сильных лекарств. Большинство членов кружка Вонифатьева твёрдо было убеждено, что истинное, неповреждённое православие хранится только в русской церкви и более нигде; а потому, если и вкрались некоторые беспорядки в русской церкви, то они заключаются не в самих церковных обрядах и чинах, а только в неправильном или небрежном выполнении их пастырями церкви, которые действительно нуждаются в научении, или исправлении; сама же русская церковь до самых последних обрядовых мелочей всегда оставалась и остаётся верной во всём истинному православию, «не точию в вере, но ни в малейшей частице канонов и песней», так что «ни убавить, ни прибавить ни единого слова не должно и православным нужно умирать за единую букву аз». Так высоко смотря на русское православие, представители кружка, напротив, унижали греческую веру, находя, что у греков в православии сделалась «пестро», а благочестия у них «и следа нет»: «теперь, то есть в 40-х годах 17 века, – по словам Пыпина, – представление о Москве, как третьем Риме, достигло своего апогея».⁵⁰ Поэтому понятно, как ревниво и чутко оберегали русские люди своё православие – эту свою жемчужину, от какого-либо приражения со стороны. Эта ревность и чуткость в охранении русского православия, возбуждались тогдашними обстоятельствами, до нервной боязни за веру отцов и до фанатизма. Обстоятельства эти заключались, кратко сказать, в наплыве в Россию иностранцев и запада и с востока, и вместе с ними в проявлении в Москве и других городах новых веяний «не московского, – не православного» духа. Иностранцы, приезжая в Москву и поселяясь здесь, вторгались так или иначе во внутреннюю жизнь москвичей и тем нарушали покой и обычное течение её. Немцы и вообще выходцы из западной Европы влияли преимущественно на строй

московской жизни, на нравы и обычаи, что характерно выражает протопоп Аввакум в следующих словах: «ох, ох, бедная Русь! Чего-то тебе захотелось немецких поступков и обычаев!» Греки же и киевские учёные, как вызывавшиеся правительством, так и по своей воле приезжавшие в Москву, стремились прямо влиять на ход церковных дел и на просвещение, и даже взять всё это в свои руки, для чего собственно и вызывало их правительство. И это им удавалось: образование литература, развившиеся в западной Руси и в Киеве, были тем новым и весьма заметным элементом, который в означенное время вмешался в московскую книжность и в конце концов, возобладал над ней.

Члены кружка Вонифатьева должны были отнестись ко всем этим новым веяниям и влияниям, не иначе как крайне отрицательно и враждебно, как это видно и из ранее приведённой характеристики их. Но среди них было одно лицо, которому новое направление было, если не симпатично, то во всяком случае не противно. Это сам Стефан Вонифатьев⁵¹. Объединившись около него, провинциальные члены кружка, конечно надеялись найти в нём, как в человеке очень влиятельном при дворе, крепкую опору во всех своих стремлениях и замыслах, но они скоро разочаровались в этом. Стефан Вонифатьев, подобно как и Ртищев, будучи готов бороться вместе со всеми против беспорядков церковной жизни, в то же время не разделял с ними нетерпимого взгляда на греков и малороссов: он даже готов был поучиться у них и признать их авторитет.

«Принципиальная рознь между Стефаном и его провинциальными друзьями, – говорит профессор Каптерев, – необходимо должна была обнаружиться в Москве при их ближайшем взаимном знакомстве, когда они ближе всмотрелись в воззрения друг друга».⁵² Поэтому понятно, что ко времени патриаршества Никона и в начале его, кружок стал больше тяготеть к другому влиятельному члену своему – протопопу Ивану Неронову, с которым особенно близко сошёлся протопоп Аввакум, поселившись даже в его доме. Дом Неронова сделался местом собраний и совещаний кружка, от которого всё больше и больше стал уклоняться Вонифатьев, что значило в представлении Аввакума: «всяко ослабел».

В доме именно Ивана Неронова собрались по поводу издания «памяти» патриарха Никона те члены кружка, которые не допускали изменения в русской церкви «не точию в вере, но ни в малейшей частице канонов и песней». Тут были кроме Неронова и Аввакума, Павел епископ Коломенский, протоиерей Даниил, вероятно протоиерей Логин; но вряд ли был Стефан Вонифатьев. По крайней мере, в том месте, где Аввакум ведёт речь об этом событии и прикосновенных к нему обстоятельствах, Стефан

не упоминается, а упомянуть-то о нём Аввакум имел особенные побуждения. Собрались эти лица, озадаченные неожиданным распоряжением Никона, для обсуждения этого распоряжения и взаимного совещания. Все их заботы и стремления были направлены к ограждению неприкосновенности русских православных чинов и обрядов, и к уставному их исполнению, а тут вдруг сам патриарх, некогда бывший их друг, отменяет два очень важных обряда и заменяет их другими. В душу всех собравшихся закралось предчувствие чего-то недоброго – страх и трепет за русское православие. Аввакум таким образом выражает душевное состояние собравшихся: «видим, яко зима хочет быти, сердце озябло и ноги задрожали», а по словам «Винограда российского», они «начали ужасаться вельми всеплачевно рыдать о новой непоклоннической ереси». Крепко подумав, они решились на противодействие патриарху Никону самым сильным образом. Но предварительно Неронов отправился в Чудов монастырь, чтобы здесь помолиться и, так сказать, собраться с силами и мыслями. И он молился целую первую неделю великого поста. Раз, когда он молился, будучи в крайне нервном, возбуждённом состоянии, ему послышался от иконы Спаса глас: «Иоанне, дерзай и не убойся до смерти: подобает ти укрепити царя, да не постраждет днесь Руссия, якоже и юниты; время пришло страдания; подобает вам неослабно страдати».⁵³

Об этом мнимом чуде Неронов сообщил всей своей братии, которая, конечно, усмотрела в этом божественное соизволение и благословение на борьбу с Никоном. И вот, Аввакум вместе с Даниилом, составляют большую челобитную (первая раскольникья челобитная) на имя царя, в которой приводили многие выписки из книг «о сложении перст и о поклонах».⁵⁴ Но ничего благоприятного для себя этой челобитной члены кружка не достигли: царь, вероятно, отдал её патриарху Никону на рассмотрение, а потом она, кажется, попала в руки Вонифатьева,⁵⁵ передавшего её в свою очередь известному расколоучителю игумену Феокисту.

Всё-таки, надо полагать, челобитная была написана в сильных выражениях и вполне выражала тот дух оппозиции, каким проникнуты были члены кружка (теперь уже скорее Неронова, а не Вонифатьева), потому что патриарх Никон начал принимать против них сильные меры, хотя и не вдруг. Во время великого поста он присматривался, насколько будет исполняться его воля, и увидел, что далеко не всеми она исполняется. Поэтому он решил начать законную, хотя не в меру и сильную, расправу со своими противниками. Расправа его началась с протопопа Даниила, вероятно, потому, с одной стороны, что Даниил

участвовал в составлении челобитной, а с другой, потому, что он был лицом сравнительно мало влиятельным, на котором легче было испробовать начало погашения протеста. В каком-то монастыре, за Тверскими воротами, Даниил публично, в присутствии самого царя, был расстрижен и затем на некоторое время был заключён в Чудове монастыре, но как видно, он или был скоро освобождён, или же, проживая в Чудове под началом, пользовался достаточной свободой, потому что в августе вместе с Аввакумом составлял челобитную за Неронова.⁵⁶ Скоро после этого был взят другой Даниил, протопоп темниковский, и заключён в Новоспасском монастыре. Дошла очередь и до протопопа Ивана Неронова, к борьбе с которым Никон приступил с большой осторожностью и по особому случаю. Борьба эта преисполнена глубокого интереса. Начало её находится в связи с судом Никона над муромским протопопом Логином.

Это было в июле месяце 1653 года. Муромский воевода донёс на протопопа Логина, что он хулил образа Господа Иисуса Христа, Богородицы и всех святых. Донос, конечно, весьма серьёзный, но с первого же раза можно было заподозрить его справедливость, и думается, что проницательный Никон понимал это: однако он воспользовался этим благоприятным случаем для того, чтобы разделаться ещё с одним противником его воли. Впрочем, за Логином числились и некоторые другие вины, и в том числе, кроме неповиновения, ещё оскорбление патриарха, которого он позволял себе обличать в «небрежном, и высокоумном, и городом житии»⁵⁷. Для рассмотрения доноса воеводы и вообще дела о Логине, патриарх Никон созывает собор, который приглашает и протопопа Ивана Неронова. На соборе этом, вероятно, ещё были, кроме самого Никона, митрополит Сильвестр Крутицкий, митрополит Иона ростовский, был ещё протодиакон Григорий и другие. О том как происходил этот собор, а также другой собор, бывший вскоре после того, уже по делу об оскорблении Никоном царя, сохранились сведения в источниках только раскольнического происхождения, именно «в росписи спорных речей протопопа Ивана Неронова с патриархом Никоном»⁵⁸. А потому, сведения эти являются крайней односторонними: всё это дело освещено пристрастно, субъективно, с прямым намерением выставить патриарха Никона во всём неправым, а расколуучителей и, главным образом, самого Неронова, смелыми борцами за правду, перед которыми патриарху Никону приходится молчать или ограничиваться краткими односложными ответами. Передаём эти сведения, по возможности, кратко и освободив их от всех субъективных прикрас

составителя «росписи». Прежде всего, на соборе Логин стал оправдываться, что не только не хулил святые иконы, но «не буди ему и помыслити что хульно» о них.

Обвинялся ли Логин в каких-либо других винах, из «росписи» не видно, но думается, что обвинялся, именно в противлении воле патриарха и оскорблении его. И потому-то собор осудил его довольно строго, отослав на какое-то наказание к приставу, которого Неронов называет «жестоким, злым и немилостивым». Неронов энергично вступился за Логина и начал упрекать Никона в жестокости и несправедливости, причём ещё заметил, что дело настолько важное, что при разборе его «достоит поистине и благочестивому царю быти». Патриарх Никон на это, вероятно, ответил нечто вроде того, что в таком деле можно обойтись и без царя. Но Неронову такое поведение Никона показалось оскорблением царского величества, и вот в голове его созревает план, обвинить Никона перед царём в подобном тяжком преступлении. Он выдумал и вложил в уста Никона такие крайне оскорбительные для царя слова: «мне царская помощь негодна и ненадобна, я на неё плюю и сморкаю». Искусно вовлёл он в этот свой план митрополита Иону Ростовского, ярославского протопопа Ермила и старца Акакия. Всех их Неронов настроил так, что они согласились, что Никон на соборе говорил нечто оскорбительное для царя. Тогда он смело доносит о поступке Никона царскому духовнику Стефану Вонифатьеву, а затем и самому царю. Но хитро задуманный план Неронову не удался. Вероятно, царь, тогда уже положивший свою душу на «патриаршеву душу», не поверив Неронову, откровенно передал Никону о доносе на него. Патриарх Никон, возмущённый клеветой, решил публично, соборно рассмотреть дело.⁵⁹ На этом новом соборе, бывшем вскоре после соборного суда над Логиним «не помногом времени»⁶⁰, в том же июле месяце, ведение дела поручено было митрополиту Крутицкому Сильвестру; присутствовали на соборе архимандриты, игумены и протопопы.⁶¹

Приглашены были на собор и упомянутые митрополит Иона, митрополит Ермил и старец Акакий, в качестве свидетелей. Митрополит Иона сначала было начал подтверждать донос Неронова на патриарха, но очевидно скоро в нём заговорила совесть, на него нашёл прилив острого раскаяния, так что он, вместо обвинения Никона, стал со слезами упрекать самого Неронова: «Бог тебя судит, Иван, что ты мутишь нас с государём и патриархом».⁶² И хотя ярославский протопоп Ермил не отказывался подтвердить донос, но свидетельства одного его было недостаточно.

Итак, план обвинить Никона в тяжком политическом преступлении

не удался Неронову. И вот он, крайне раздосадованный и раздражённый, начинает предъявлять собору ряд других обвинений против Никона, ничуть не стесняясь в выражениях. Он обвиняет Никона в том, что последний ненавидит даже тех, которые хотят ему добра, что он, Никон, слушает «клеветников и шепотников», по доносу коих производит свой суд и расправу, не испытав истины. Обращаясь к недалёкому прошлому, Неронов укоряет Никона в совершенной перемене своих отношений к прежним друзьям, которых он поносит и укоряет, а тех, которых прежде называл «врагами Божиими и разорителями закона Господня», он, Никон, сделал своими советниками. Обвиняет затем в крайней жестокости, проявлявшейся в том, что он разоряет и разлучает с жёнами и детьми протопопов и попов, беспрестанно их мучает. Предъявляет Неронов и ещё особое преступление за Никоном: он, Никон, «новоуложенную книгу» («Уложение» Алексея Михайловича) «попирает посохом и называет недоброю», не смотря на то, что раньше сам подписался под ней. Увлёкшись до крайности своей обвинительной речью, Неронов стал называть патриарха «и кощунником, и празднословцем, и мучителем, и лжесоставником», а в конце концов «похулил весь собор, созванный Никоном, уподобив его тем соборам, которые были «на великого святителя Иоанна Златоустого и на великого святителя Стефана Сурожского»⁶³. Насколько дерзко раздражённо и вызывающе держал себя на соборе Неронов, настолько сдержанно и с достоинством вёл себя Никон. Он большей частью молчал, или же ограничивался краткими авторитетными замечаниями вроде, например, того, что он судит согласно с Евангелием и правилами святых отец».⁶⁴

За такое дерзкое поведение на соборе, за крайне оскорбительные слова, высказанные по адресу патриарха, и наконец, за клевету, Неронов был осуждён под начал, для чего отправлен был в Новоспасский монастырь 15 июля, но в тот же день был переведён в Симонов монастырь. Здесь держали его весьма строго, но, надо полагать, Неронов продолжал вести себя беспокойно, потому что через 8 дней нашли нужным наказать его; он был привезён на Царе-Борисовский двор, где его «били».⁶⁵ В конце концов, Неронов был расстрижен, по приказанию патриарха, митрополитом Сильвестром в соборной церкви, а 4 августа был сослан в Спасокаменский монастырь на Кубенском озере (Вологодской губернии), где он «за великое безчиние» должен был «ходить в чёрных службах».

Протопоп Аввакум поехал провожать своего опального друга. Далеко ли он провожал его – неизвестно, но вернулся в Москву в дом Ивана Неронова не ранее 7 или 8 числа. Одним из самых первых дел его, по

возвращению, было возбудить ходатайство перед царём о прощении и возвращении Неронова. С этой целью опять с протопопом Даниилом он составил «челобитную, под которой подписались» братья, и многие духовные дети Неронова – всего более 40 человек; в челобитной, между прочим, было такое выражение, которое особенно отмечает сам протопоп Аввакум в письме к Неронову: «о, благочестивый царю, откуда се привнидоша в твою державу; учение в России не стало и глава от церкви отста и инок дивий поял и есть»⁶⁶. Впоследствии, когда об этом выражении допрашивали Аввакума, он объяснил его так: «глава, реку, Иван, у Казанския церкви тут был; а свиньи те, которые разоряют благочестие, да те попы, которые патриарху на батка подали челобитную, что патриарх у себя сказывал».⁶⁷ Челобитная за Неронова, отдана была царём патриарху, и не только оставлена без последствий, но и сами челобитчики подверглись сильному преследованию.

Итак, «братия» в лице Ивана Неронова лишилась своего главного руководителя. После него всё влияние и руководство в кружке перешло в руки его друга – Аввакума. Но в Казанском соборе, в котором Аввакум после Неронова тоже хотел было занять первенствующее и даже начальническое положение, ему пришлось столкнуться с другими попами собора, которых он так нелестно обозвал на допросе в челобитной «свиньями».

Известное всем столкновение это, кончившееся печально для Аввакума, произошло спустя недели полторы после ссылки Неронова. Вынужденный оставить из-за самолюбия Казанский собор, Аввакум хотел было пристроиться к какой-нибудь другой церкви, именно к Аверкиевской, но и здесь не ужился. Прошла неделя, наступила следующая суббота (20 августа), и Аввакуму, оказалось негде служить. Хотя казанские попы и посылали к нему какого-то Елеазара, с приглашением служить, но самолюбие не позволило ему сделать или уступку, или шаг к примирению с ними. Но и не служить он не мог: он так привык к службе и так любил её, что даже во время болезни, лёжа, по его собственному выражению, «ворчал» службу. И вот он решил отправить всеобщую в каком-то здании, во дворе Ивана Неронова, – «сушиле». Так как Аввакум, несомненно, пользовался большой популярностью среди казанских прихожан и так как, с другой стороны, он всеми силами постарался посеять между ними неудовольствие на казанских попов, то ко всеобщей к нему в сушило собралось довольно народу, человек до 100, причём, некоторые из них, отправляясь вместо церкви в сушило, говорили: «в некоторое время и конюшня-де иныя церкви лучше».

Несомненно, патриарх Никон, через своих подьяков всё время следил за поведением и образом действий Аввакума, с тех пор, как последний встал в ряды его противников. Издавна зная Аввакума и его характер, патриарх понимал, насколько этот человек может быть вредным для задуманного дела церковных преобразований и опасным врагом лично для него, и потому поджидал только удобного случая, чтобы осудить его и, подобно Неронову, выслать из Москвы подальше.

Теперь такой случай представился: Аввакум совершил крупный с церковной точки зрения проступок – составил самочинное сборище. Об этом проступке быстро сделалось известным патриарху: он мог узнать о нём и от своих подьяков, а кроме того, донёс ему об этом поп Иван Данилов. Пока Аввакум отправлял своё «сушильное всенощное бдение», спешно, по распоряжению Никона, отправлен был туда отряд стрельцов, под командой Бориса Нелединского. Стрельцы явились в сушило в конце службы, когда уже Аввакум начал читать поучение, в котором, вероятно, коснулся опять новых церковных порядков и говорил «лишние слова». Они схватили Аввакума и многих других, человек больше 40. По словам Аввакума, стрельцы со всеми схваченными, а особенно с ним, обращались крайне грубо и жестоко: «били взащей, драли за волосы в патрахели»; но нужно думать, что тут преувеличение, вполне понятное в устах раздражённого протопопа. Всех, захваченных в сушиле самочинников, отправили в тюрьму, в которой продержали их неделю, а потом они, выпущенные из тюрьмы, отлучены были от церкви. Не так просто было поступлено с главным виновником «сушильного всенощного бдения» Протопопом Аввакумом. Его заковали в цепь и отправили в Андрониев монастырь, где поместили в какой-то «тёмной палатке». Через 10 дней его позвали к допросу на патриарший двор. На допросе, Аввакум, как видно, вёл себя крайне дерзко, особенно в жарком споре с тем патриаршим архиереем, который принимал меры против аввакумовского произвола в Казанском соборе, а после допроса, Аввакум опять отправлен был в Андрониев монастырь.

В то время, когда Аввакум находился в Андрониевом монастыре, окончательно была решена судьба протопопов муромского Логина и костромского Даниила, которые, как надо полагать, после наказания за первоначальное противление патриарху, были отпущены на свободу. Даниил был расстрижен ещё раньше, а Логин, теперь – в начале сентября. Расстрижение Логина описывается протопопом Аввакумом, с многими прикрасами, которые сами собою обнаруживают свою недостоверность, например, тем, что будто рубашка Логина, снятая им с себя и брошенная

им в «алтарь в глаза Никону», чудесно «растопырилась и покрыла на престоле дискос», как возду́х.⁶⁸

После расстрижения, Логин на некоторое время был отправлен в Богоявленский монастырь, а потом выслан из Москвы в деревню (Муромского уезда), под надзор его отца Даниила же, который так близок был Аввакуму и принимал вместе с ним деятельное участие в составлении первых раскольнических челобитных, и сослал в Астрахань.

Итак, бывший кружок Вонифатьева рассеялся; оставались в Москве только сам Вонифатьев, почти совсем отставший от своих прежних друзей и протопоп Аввакум, бывший под началом в Андрониевом монастыре. На 15 число сентября было назначено расстрижение и протопопа Аввакума, для чего и привезли его к соборной церкви. Но когда пришло время расстрижения протопопа, за него стал ходатайствовать перед патриархом Никоном сам царь: он, по словам самого Аввакума, «с места сошёл, и приступя к патриарху, упросил». Ходатайство это объясняется тем, что Аввакум пользовался расположением некоторых членов царской семьи и даже самой царицы. Однако, это не спасло его от ссылки: он был сослан гораздо дальше других расколоучителей – в Сибирь.

Замечательно, что первые более видные противники патриарха Никона, будучи разосланы в самые отдалённые друг от друга места (Вологда, Астрахань, Даурия), каким-то чудом находили возможность входить в сношения между собой не только письменные, но и личные, (например Неронов виделся с Логиним). Кроме того, они очень не редко докучали царю и царице, а также другим лицам, власть и значение имущим, разными челобитными и «моленьицами». В последнем отношении за первый год раскола особенно выделяется протопоп Иван Неронов. Он пишет целый ряд посланий и писем царю, царице, царскому духовнику и даже «ко всей братии». 6 ноября 1653 года он за раз отправляет в Москву два послания – царю и царскому духовнику (последнее не дошло до нас). В послании к царю Неронов, будучи сам осуждённым, ходатайствует за своих опальных друзей, которых называет «заточенными, поруганными и изгнанными». Оправдывая их, Неронов указывает, между прочим, на их прежнюю деятельность, которая известна царю и за которую их никто не порицал, – да и нельзя порицать: «они в те лета безпрестанно к вам, государем, на всякия безщипные извещали, и святейшим патриархом и прочем властем о утверждении святых церквей.. Ныне же сии како облыгаемы суть?»⁶⁹ Общее же содержание других посланий и писем Неронова таково. Он, то энергично порицает патриарха Никона, который «мучительский сан на ся восприял»⁷⁰, то просит царя о

защите благочестия и церкви, потому что «всяко благочестие преста и чадом церковным везде плач», то молит об освобождении и защите «страдальцев» от мучительства Никона, который, по его словам, «братию, церковную уди мучительски мучит, горее еретиков поругание над ними творит», то грозит царю и всей России разными бедами за отступление от правой веры, выражаясь, например, так в письме к Вонифатьеву: «или не уразуме настояция беды всей Руси», то предсказывает приближение времён антихристовых, а в одном послании к царю, клеветает на патриарха, говоря, что царское «величество от него, владыки, охуждаемо и испоругаемо и ни во что же поставляемо», и в том же послании, наконец, он просит о созвании собора истинного, а не сонмища иудейского и т.д.⁷¹

Итак, расколоучители, живя в отдалении от Москвы, не мирились со своей судьбой и не молчали: они и издали хотели повлиять на ход церковных дел в России через царя и других лиц, – и действительно, в известной степени, влияли. Например, послания Неронова так сильно действовали на впечатлительного царя, что он не мог спокойно читать их, и потому через своего духовника запретил Неронову писать ему.

Но главная деятельность сосланных расколоучителей заключалась в распространении раскола в местах их ссылки. Этим они занимались с поразительным усердием и фанатизмом. Так, Неронов уже во время своего пути в ссылку не пропускал ни одного случая, чтобы поучать народ; и понятно, в каком смысле и направлении он поучал. До деревни Ростокиной его провожали весьма многие его почитатели и прихожане, а в этой деревне «Иоанн обнощева и, взем божественныя книги, нача прочитати и последнее учение к людем простирати даже до утрия»⁷². Когда же он проживал в Спасо-Каменном монастыре, его посещали «людие от многих градов», и он их также поучал. Это обстоятельство было, между прочим, одной из причин пересылки Ивана Неронова из Спасо-Каменного монастыря в Кандалакшский. Но и ссылаемый в более дальнее и строгое заключение, Неронов по дороге воспользовался случаем проповедовать о заражении русской церкви ересями; так в Вологде после обедни в Софийском соборе он сказал: «священницы и вси церковныя чада! Завелися новые еретики, мучат православных христиан, которые поклоняются по отеческим преданиям, такожде и слог перстов по своему умыслу развращенне сказуют, да за то раб Божиих мучат и казнят, и в дальния заточения посылают».⁷³ Что касается протопопа Аввакума, то жизнь его в Тобольске и других местностях Сибири почти вся была наполнена проповедью о заражении русской церкви ересями: по его собственным словам, как «в Тобольске бранил он от писания и укорял

ересь Никонову, так и в других городах и селах в церквах и на торгах кричал, проповедуя слово Божие и обличая безбожную лесь». ⁷⁴ Менее известно о жизни в ссылке других расколоучителей (Логина, Даниила и прочих), но несомненно, что лично раздражённые против патриарха Никона, они также по мере возможности посеяли дух противления церкви среди себя окружающих. В виду этого мы не можем согласиться с мнением тех исследователей, которые утверждают, что высылкой из Москвы первых расколоучителей, патриарх Никон ослабил силу раскола. Если в Москве раскольники, действительно, на некоторое время лишились главнейших своих руководителей, то зато зараз, так сказать, вдруг семена раскола, разосланные расколоучители занесли в глухие леса севера, и на юг, и на дальний восток, куда может быть, они долго бы ещё не проникли.

Нет, к сожалению, нужно признать, что в первый же год своего обнаружения, русский раскол довольно твёрдо встал на ноги, а за ним последовали длинные ряды других годов, в которые это печальнейшее явление в истории нашей церкви, принимая разные формы и виды в его отдельных разветвлениях на многочисленные толки и секты, постоянно озабочивало и продолжает озабочивать наше церковное и гражданское правительство.

Примечания

¹ - Мат. для ист. раск. т. 5, стр. 17.

² - Мат. для ист. раск., т. 5, стр. 18; а также, т. 1, стр. 99, в письме Неронова Степану Вонифатьеву, от 13 июля 1654 г.

³ - Так признают митрополит Макарий (Ист. рус. цер. т. 12, стр. 118); проф. Н. Ф. Каптерев (Патр. Никон и его противники), проф. П. С. Смирнов (Ист. раскола. изд. 2-е, стр. 37) и другие. Автор статьи «Начало раскола» (в Оренб. Епарх. Вед. 1888, №9, стр. 59) говорит, что «память» издана «в последних числах февраля перед наступлением великого поста».

⁴ - Так проф. Знаменский (Прав. Соб. 1869, 1, стр. 260); Мякотин (Прот. Аввакум, изд. Павленкова. СПб. 1894, стр. 50); а проф. Ивановский, совершенно неизвестно на каких основаниях, в одной из своих давнишних статей говорит: в 1654 г. Никон отменил в четырёхдесятницу 12 поклонов земных, на поясные.. (Прот. Аввакум в «Прав. Соб.» 1869, 11, стр. 29). Впрочем, так говорится только в одной из давнишних статей проф. Ивановского; впоследствии же и он признал, что «память» издана в 1653 г., перед наступлением великого поста (Руков. по ист. раскола, Казань 1893, стр. 33).

⁵ - Мат. для ист. раск., т. 5, стр. 18

⁶ - Там же, т. 1, стр. 72. Смотри также стр. 88–90.

⁷ - У Никона Черногорца приведено из «Дамаскинова изложения, еже о ересех», следующее определение (91-й) ереси неколенопоклонников: «самое имя ереси к неколенопоклонникам употреблено, очевидно, не в точном смысле, потому что собственно ереси тут вовсе нет» (Ист. рус. церкви, 12, стр. 137, прим. 76).

⁸ - «Патр. Никон и его противники» (Прав. Обзор 1888 г., №1, стр.63).

⁹ - Мы говорим и другие на том основании, что Аввакум, повествуя о получении «памяти» в Казанском соборе, замечает, что Неронов рассказал о чуде от иконы Спаса «Коломенскому епископу Павлу, потом Даниилу; также всей братии»; очевидно, такой братии, сочувствовавшей кружку, было довольно. (Мат. для ист. раск. т. 5, стр. 18).

¹⁰ - Каптерев Н. Патриарх Никон и его противники М. 1887, стр. 116 прим. Прибавим к этому, что и некоторые видные поборники дела Никона, были нижегородцы. Таков Иларион, епископ рязанский (Бороздин прот. Аввакум стр. 3). Что касается Стефана Вонифатьева, то не был ли он родом из с. Городище, Тульской губернии, Каширского уезда? По крайней

мере, в этом селе есть рукописный синодик от 1653 г., в котором по листам читаем следующую подпись: «Лето 7162 августа в 1 д. положил сей синодик в монастырь Николы Чудотворца зовомый четырех церквей (ныне с. Городище) Государев богомолец благовещенский протопоп Стефан Вонифатьев, что у Государя на сених вкладу по своим родителям в вечный поминок» (Н. И. Троицкий. Село Городище, Кашир. у. Тул. губ., стр. 13). Косвенное подтверждение того, что Вонифатьев был туляк, можно усматривать и в том обстоятельстве, что его приемник, протопоп Лукьян, был тоже туляк.

¹¹ - Бороздин А. Протопоп Аввакум. СПб. 1898. Стр. 16–17.

¹² - Например, по вопросу о необходимости облегчения земледельцев снятием с них ярма ямской гоньбы, которые он находил справедливым возложить на купцов, «елицы.. многа прибытка стяжатели суть».

¹³ - Гейден. Из истории возникновения раскола, стр. 34–35.

¹⁴ - Там же, стр. 36.

¹⁵ - Макарий митрополит. История русской церкви 12, стр. 145.

¹⁶ - Так сказано в определении собора 1666 г. о низложении Никона.

¹⁷ - Родина Неронова отстояла от Вологды в 60 верстах (местечко Лом); родился он в 1591 г. (Мат. 1, стр. 244). Отца его звали Мирон (Мат. 1, 246), – но по испорченному, простонародному произношению – Нерон. Замечательно, что и сам Неронов носил несколько имён: в крещении Гавриил, затем Иван и в иночестве Григорий.

¹⁸ - Кажется, в первый раз ему пришлось быть в Москве около 1632 г.

¹⁹ - Мат. для ист. рус. раскола 1, стр. 280.

²⁰ - Там же, стр. 273.

²¹ - Каптерев. Патриарх Никон, стр. 113.

²² - Гейден. Из истории возникновения раскола, стр. 3.

²³ - Мат. для ист. раскола, 5, стр. 19.

²⁴ - Профессор Ивановский так изображает внешний облик прот. Аввакума «представьте себе человека высокого роста, плечистого, с лицом несколько сухощавым, с длинной седой бородой, с седыми же кудрявыми волосами, с большими выразительными глазами, с тонким прямым носом, и вы получите некоторое понятие о наружности Аввакума» (Прав. Соб. 1869, т. 2, стр. 20; ср. Есипов. Опис. раск. дел. 18 ст. т. 1, стр. 117). В 5 т. «Материалов» Субботина приложено изображение прот. Аввакума, которое, впрочем, не совсем схоже с вышеприведённым описанием наружности прот. Аввакума.

²⁵ - Ист. Рос., кн. 3, стр. 787.

²⁶ - Лет. рус. лит. Тихонравова, т. 5, отд. 3, стр. 117.

²⁷ - Год рождения Аввакума определяется различно. Бороздин приходит к выводу, что он родился около 1619–1620 г. Во всяком случае, Аввакум был моложе патриарха Никона.

²⁸ - М. Макарий отмечает, что Аввакум, будучи сельским священником, обнаружил в словах и действиях тот чрезвычайно дерзкий, задорный ничем неукротимый характер, которым отличался потом во всю жизнь и из-за которого потерпел столько страданий (Ист. рус. цер. 12, стр. 597).

²⁹ - Бороздин. Прот. Аввакум, стр. 7–12.

³⁰ - Каптерев. Патр. Никон .. стр. 45.

³¹ - Мат. для ист. р. раскола, т. 5, стр. 17.

³² - Там же, стр. 16.

³³ - Там же, стр. 10.

³⁴ - Мат. 8, стр. 89.

³⁵ - Ист. опис. рязан. иерархии стр. 97–112: здесь напечатана «просьба к Мисаилу, архиепископу Рязанскому и Муромскому от Муромского духовенства и всякого чина людей о возвращении в муром Логина». Здесь же, между прочим, говорится, что «Логин по вся дни и нощи и часы проповедывал слово Божие, – вразумлял невежественных, а врагов Божьих, церковных мятежников, противящихся преданию святых Апостол, обличал и от стада Христова отгонял».

³⁶ - Мат. для ист. раскола, т. 5, стр. 21.

³⁷ - Подробно об этом много писалось в разных статьях исследованиях о расколе.

³⁸ - Каптерев. Патр. Никон и его противники, стр. 116.

³⁹ - Биограф Неронова говорит: «пояху речи не яко писани суть, но изменяюще речения ради козлогласования своего» (Мат. 1, стр 274).

⁴⁰ - Мат. по ист. р. раскола, 5, стр. 223.

⁴¹ - Кормчая книга, по единов. изданию 1898 г., л. 4.

⁴² - Каптерев. Патр. Никон, стр. 133, прим. 25.

⁴³ - Каптерев. Патр. Никон см. рукопись.

⁴⁴ - Три послания Игнатия, митрополита Тобольского, стр. 91–95.

⁴⁵ - Каптерев. Патр. Никон, стр. 154.

⁴⁶ - Книга о вере «На Москве в печать издана повелением царевым и

тщательством благого духовника его Стефана Вонифатьевича», говорит диакон Фёдор (Мат. 6, 198–199). А из того, что в расходных книгах печатного двора под 161 г. (1653) в числе лиц, получавших государево жалованье, упоминается и Вонифатьев, получивший 20 экземпляров печатных книг «апостолов в тетрадах безденежно», причём имя его ставится выше обыкновенных справщиков, следует, что положение Вонифатьева на печатном дворе было незаурядное: он был надзирателем за печатным делом.

⁴⁷ - Мат. по ист. р. раскола, 6, стр. 199.

⁴⁸ - Бороздин. Протопоп Аввакум, стр. 21.

⁴⁹ - Мат. 5, 65. «А се посулили мне Семеонова дни, говорит Аввакум, сесть на печатном дворе книги править; и я рад сильно, мне то надобно лучше и духовничества».

⁵⁰ - Пыпин. История рус. литературы, т. 2, стр. 290.

⁵¹ - Что касается Никона, то он, несомненно, был более широких воззрений на дело церковных преобразований, но скоро назначенный митрополитом в Новгород, – отстал от «кружка».

⁵² - Каптерев. Патр. Никон, стр. 145.

⁵³ - Мат. 1, стр. 99–100; 5, стр. 78. На том основании, что слова, послышавшиеся Неронову, передаются неодинаково Нероновым и Аввакумом, профессор Субботин и митрополит Макарий говорят, что эти слова не что иное, как выдумка самих расколоучителей. Но весьма вероятно, что при крайне нервном возбуждении, в каком находился в то время Неронов, ему могли послышаться подобные слова: это факт, нисколько не чудесный и вполне вероятный, с точки зрения историко-психологической». (Бороздин стр. 56 прим.).

⁵⁴ - Эта челобитная не дошла до нас.

⁵⁵ - Мат. 5 стр. 19, стр. 332.

⁵⁶ - Мат. 1, 23.

⁵⁷ - Мат. 1, 234. Так говорит Неронов. Зная грубый и крайне несдержанный характер Логина, можно себе представить каковы были эти обличения.

⁵⁸ - Мат. 1, стрр. 41–54.

⁵⁹ - Одно это уже показывает, что в доносе Неронова была неправда. Рискованно было бы для Никона передавать публичному рассмотрению это дело, если бы действительно он произносил крайней оскорбительные для царя слова. Дело могло обернуться слишком невыгодно для патриарха.

⁶⁰ - Мат. 1, стр. 236.

⁶¹ - Неронов говорит, что Никон собрал на соборе властей «пёстрых», (Мат. 1, стр. 45). Что он хотел этим сказать – для нас не понятно, вероятно он употребил это слово или в смысле «разных», или «неправедных и несправедливых».

⁶² - Мат. 1, стрр. 45 и 237.

⁶³ - Мат. 1, стр. 49. По челобитной, поданной Нероновым вселенским патриархам в 1666 году, он, Неронов, говорил ещё на соборе следующее, обращаясь главным образом к митрополиту Сильвестру: «преосвященный митрополит Сильвестр! Чаешь ты, что я усташуся Никона патриарха, что пред ним допрашиваешь меня? Я готов за государское величество, якоже и за Божие имя, аще и до смерти страдать, а Никон патриарх говорил те хульные слова про государское величество». (Мат. 1, 237).

⁶⁴ - Гр. Гейден отмечает это обстоятельство, говоря, что на все грубые и резкие нападки Неронова патриарх отвечает высшей степени сдержанно; если бы Никон позволил себе сказать что-нибудь дерзкое или обратился с ним сурово, Неронов, без сомнения, не преминул выставить это в своём рассказе» (Из истории возникновения раскола, стр. 9).

⁶⁵ - К церкви Божией, говорит сам Неронов, ходить мне не велено, а в нощи сторожи держали меня со свещами семь дней и никаких людей ко мне не пущали, – и своих домашних, и сторонних» (Мат.1, стр. 50).

⁶⁶ - Мат. 1, стрр. 23–24.

⁶⁷ - Значит, патр. Никон при суде над Нероновым, имел полное основание говорить ему: «Мне на тебя твоего собора священники и дьяконы, и причетники челобитную дали за руками» (Мат. 1, 48).

⁶⁸ - Об этом Аввакум рассказывает только в своей автобиографии, написанной им лет 20 спустя после расстрижения Логина, а в письме к Ивану Неронову, которое написано через неделю или полторы после этого события, о таком «чуде», даже под свежим впечатлением от него, совсем не упоминается. (Что это значит?..)

⁶⁹ - Мат. 1, 36.

⁷⁰ - Или ещё, например, Мат. 1, 65: «ох, увы, благочестивый царю! Стани добре, о церковное чудо.. предвари и ущедри мать твою, святую церковь, да не до конца растлят Тоя красоту сынове века сего».

⁷¹ - Мат. 1, стр. 66. Мы не излагаем подробно содержание посланий и писем Неронова потому, между прочим, что они относятся ко времени позднему (по истечении первого года раскола).

⁷² - Мат. 1, стрр. 282–283.

⁷³ - Мат. 1, 106.

⁷⁴ - Мат. 5, 58.

Содержание

Дмитрий Иванович Скворцов Первый год русского старообрядческого раскола Дмитрий Иванович Скворцов	1
Примечания	29